

Ли Сянфу отвари́л соевые ростки и выложил их на дно большой красивой пиалы. Затем он ловко взялся за половник: обжаренная паста, разбавленная водой, быстро заклокотала, и стоило бросить в нее мясо, как кусочки тут же побелели, бурля в соусе. Вытяжка работала на полную мощность, но аппетитный аромат все равно то и дело щекотал ноздри.

Ли Сичунь нетерпеливо выглядывал у него из-за плеча.

— Отойди немного.

Ли Сянфу посыпал блюдо молотым сычуаньским перцем и чили, а затем зачерпнул ложку раскаленного масла и плеснул сверху. В тот же миг воздух наполнился пряным ароматом, а блестящие, гладкие ломтики мяса выглядели настолько аппетитно, что от одного вида слюнки текли.

Ли Сичунь, не боясь обжечься, подцепил палочками кусочек и отправил в рот. Мясо оказалось совсем не сухим, а нежным и сочным. От этого острого, онемеляющего вкуса он зажмурился от удовольствия.

— Почему так вкусно?

Обычно такое блюдо под конец казалось слишком жирным и тяжелым, но он взял чистые палочки, наполнил целую пиалу и, съев все без остатка, не почувствовал никакой тяжести.

Ли Сянфу заметил:

— Нужно есть с гарниром, иначе ночью разболится желудок.

Поскольку Ли Сичунь в одиночку умял слишком много, его вежливо попросили выйти из кухни.

В семье все, похоже, пошли в Старика Ли: больше всего любили лапшу, рис жаловали меньше. Когда на столе появилась тарелка баклажанов с ароматом рыбы, Ли Сичунь быстро расправился с ними вприкуску с паровыми булочками-маньтоу. Ли Шаша тоже остался доволен и поставил семейному ужину твердые пять звезд.

Ли Сичунь даже не думал оставлять еду на потом. Более того, узнав, что тетя Чжан взяла отпуск на неделю, он тут же отправил личные сообщения Старике Ли и Ли Хуайчэню.

Ли Хуайчэнь, прочитав сообщение, ответил, что вернется только на следующей неделе.

А Старик Ли сбежал на курорт и тоже решил провести эту неделю в разъездах.

Ли Сянфу невольно вздохнул:

— Получается, тетя Чжан — это главная скрепа нашей семьи.

Ли Сичунь изящно промокнул уголки губ салфеткой:

— Теперь это ты.

Сытый и довольный, они проводили этот день, и он быстро подошел к концу.

На следующее утро сладкий сон прервал стук в дверь.

— Проснулся? — по обыкновению спросил Ли Сянфу, стоя у двери с гуцинем в руках.

Ли Сичунь поднялся с постели:

— Проснулся я или нет, и по какой причине — неужели ты сам не понимаешь?

Утренний ветер принес долгожданную прохладу.

Ли Сичунь лежал в кресле-качалке, покачивая на кончиках пальцев домашние тапочки. Его домашний вид без прикрас резко контрастировал с безупречно одетым Ли Сянфу, сосредоточенно играющим на инструменте.

Он не удержался, сфотографировал его профиль и выложил в соцсеть с подписью: «Прекрасный день начинается с духовного просвещения».

Прослушав мелодию до конца, Ли Сичунь ушел умываться, а когда вернулся, на столе его уже ждал завтрак. Он невольно замер: прежде он всегда сам готовил завтрак своему возлюбленному.

Поскольку Гао Сюнь не доверял домработницам, а Ли Сичунь хотел, чтобы тот питался вкусно и полезно, ему обычно приходилось стоять у плиты самому.

Ли Сянфу ел немного. Покончив с едой, он достал заранее приготовленный бенто и протянул Ли Сичуню, который как раз обувался в прихожей:

— Хорошего рабочего дня.

— ...Спасибо.

Все утро Ли Сичунь препирался с клиентами.

Искусство бесценно, но когда на картины в галерее вешают ценники, неизбежно возникают мирские трудности. Инвестор продвигал бездарного художника, у которого за душой не было ничего, кроме красивой обертки, и Ли Сичуню совсем не хотелось устраивать для него выставку.

В обед он уже собирался заказать доставку, как вдруг вспомнил о бенто. Увидев смайлик, выведенный кетчупом на куриной котлете, его губы невольно расплылись в такой же улыбке.

Ли Сичунь сделал очередное фото и выложил в сеть, по привычке скрыв публикацию от Старика Ли и остальных родственников. Подпись гласила: «Спасибо младшему брату за обед, приготовленный с любовью. Снова полон сил для работы!»

Домой он вернулся уже глубокой ночью после сверхурочной работы.

В доме горел свет. Ли Сянфу помогал Ли Шаше собирать пазл. Увидев его, он мягко улыбнулся:

— Я сварил кашу, съешь немного.

Ли Сичунь промолчал, но тут же опубликовал новый пост: «Ночью меня ждет горящий свет в окне, а по возвращении встречает искренняя детская улыбка. Вдруг стало так тепло на душе».

...

В другом конце города.

За ресторанным столиком высокий мужчина то и дело опускал взгляд в телефон.

Это был Гао Сюнь, возлюбленный Ли Сичуня. Сегодня он должен был обсуждать дела с клиентами за ужином, но вместо этого в одиночку глушил тоску алкоголем. Вдруг его взгляд замер на последней публикации в ленте:

«И бенто приготовит, и за ребенком присмотрит, да еще и ночной перекус организует. Спасибо младшему братику, мои взгляды на мужчин кардинально изменились (смайлик_улыбки.jpg)».

У Гао Сюня мороз пошел по коже. Не успел он оставить комментарий, как сидевший рядом секретарь закашлялся и принялся отчаянно делать ему знаки глазами.

К этому моменту переговоры подошли к концу. Когда клиенты ушли, в отдельном кабинете воцарилась гробовая тишина.

На мужественном лице Гао Сюня отразилось беспокойство. Напротив него сидел невероятно красивый молодой мужчина, но один лишь его вид внушал Гао Сюню неподдельный страх.

— Мне не следовало переносить личные эмоции на работу, — поспешил признать ошибку Гао Сюнь.

Занять нынешнее положение в компании стоило ему огромных трудов, а Цинь Цзинь славился своей суровостью и принципиальностью. Если тот выйдет из себя, то запросто может перевести его в какой-нибудь заштатный отдел.

— Мне не нужны сотрудники, которые путают личную жизнь с работой.

Эта небрежно брошенная фраза заставила сердце Гао Сюня уйти в пятки. Он понял, что следующее решение босса перечеркнет все его прошлые заслуги.

Секретарь стоял в стороне, боясь даже вздохнуть, и во все глаза наблюдал за происходящим, мысленно мотая на ус этот урок.

Видя, как Цинь Цзинь шевельнул пальцами, собираясь вынести окончательный вердикт, Гао Сюнь сам не понял, как выпалил:

— Это все из-за Ли Сяньфу.

Он и сам опешил от собственной дерзости.

Цинь Цзинь перевел на него взгляд, и в его холодных глазах промелькнул намек на интерес.

Проработав под началом босса столько лет, Гао Сюнь так и не научился угадывать его мысли. По логике вещей, Цинь Цзинь должен был ненавидеть членов семьи Ли, но по какой-то причине держал при себе и ценил его, зная о его отношениях с Ли Сичунем.

В этот момент Цинь Цзинь прищурился и наконец произнес:

— Разве ты не встречаешься с Ли Сичунем? При чем тут его младший брат?

В груди Гао Сюня забрезжила надежда: раз спрашивает, значит, шанс еще есть. Он открыл ленту новостей на телефоне, положил его на стол и показал боссу публикации о младшем брате, которого Ли Сичунь окрестил «идеалом во плоти».

Примечание автора:

После прочтения:

Цинь Цзинь: — Сколько еще сюрпризов ты от меня скрываешь?

Секретарь из любопытства вытянул шею, пытаясь разглядеть текст на экране, и выражение его лица постепенно изменилось.

Тонкие пальцы Цинь Цзиня с отчетливо проступающими суставами слегка коснулись экрана, прокручивая ленту. Его взгляд остановился на той самой публикации, от которой Гао Сюня едва не хватил удар:

«И бенто приготовит, и за ребенком присмотрит, да еще и свет в окне ночью зажжет. Спасибо младшему братику, мои взгляды на мужчин кардинально изменились (смайлик_улыбки.jpg)».

Прочитав все до единого слова, Цинь Цзинь слегка откинул голову назад и прикрыл глаза, погружившись в раздумья.

В кабинете повисло тягостное молчание, и лишь сердце Гао Сюня испуганно колотилось от неизвестности.

Спустя некоторое время Цинь Цзинь наконец заговорил:

— Отправь сообщение Ли Сичуню. Спроси, неужели он действительно считает своего брата настолько идеальным?

Глядя на непредсказуемое лицо босса, Гао Сюнь в нерешительности набрал текст. К тому же они с возлюбленным не разговаривали уже несколько дней, и это могло послужить отличным предлогом возобновить общение.

Его большой палец на пару секунд завис над кнопкой отправки, но после короткого колебания он все же нажал на нее.

Прошло три минуты, и терпение Цинь Цзиня подошло к концу:

— Он ответил?

Гао Сюня словно громом поразило:

— Он меня удалил.

На экране телефона светился красный восклицательный знак — знак того, что его стерли из списка контактов еще раньше.

...

Эта ночь выдалась мучительной для многих.

Ли Сичунь всегда презирал малодушную привычку удалять людей из контактов без объяснения причин. Даже если дело шло к расставанию, он предпочитал объявлять об этом прямо. Однако на этот раз он поддался минутному порыву и сделал исключение.

Когда злость утихла, пришло чувство пустоты.

Он достал карманное зеркальце, оглядел себя со всех сторон и на мгновение загрузил, заметив тонкие морщинки в уголках глаз.

Время повернуло вспять на пять минут назад.

Ли Сяньфу заваривал чай. Любое его движение казалось произведением искусства. Чайный аромат поплыл по комнате, и когда перед ним поставили чашку нежно-зеленого цвета, Ли Сичунь помедлил секунду, прежде чем взять ее.

— Отрада для глаз.

В тот момент это было единственное описание, пришедшее ему на ум.

— Зеленый чай успокаивает, — произнес Ли Сяньфу, и сам казавшийся воплощением безмятежности, далеким от всякой суеты.

В нем не осталось и следа от прежнего взбалмошного младшего брата. Ли Сичунь невольно вздохнул:

— Ты повзрослел.

Впервые за четыре года Ли Сяньфу поинтересовался его личной жизнью:

— Его зовут Гао...

— Гао Сюнь, — вспомнив что-то приятное, Ли Сичунь тепло прищурился и улыбнулся.

Ли Сяньфу терпеливо ждал продолжения.

Постаравшись быть объективным, Ли Сичунь добавил:

— ...Он человек с большими карьерными амбициями и четкими планами на будущее.

<http://bllate.org/book/18300/1754422>